

К 80-летию композитора Бориса Мокроусова

Высокая простота

Соб. Россия - 1989 - 28 февр.

МЫ СИДЕЛИ вдвоем в сумерках внезапно наступившего декабрьского вечера в большой комнате, где главенствовал рояль, и Борис Андреевич Мокроусов, уже известный композитор, чьи песни знала вся страна, говорил:

— Есть такая птица, варакушка, она обычно поет у озера, пруда, реки. Ее называют пересмешницей. Она подражает соловью, перенимает чужие голоса... Вот и у нас в музыке, да и у вас в поэзии, множество любителей перенимать чужие голоса. Слушаешь или читаешь такого автора и явно различаешь чей-то знакомый голос. И такие сочинители имеют успех. Люди любят слушать то, что знакомо, а все новое воспринимается с трудом. Но у нас, скажем, в песне есть первоклассные мастера, у которых свой, незаемный голос... — он помолчал и произнес: — Дунаевский, Захаров, Блантер, Соловьев-Седой... Вот и Шостакович, сложный композитор, а написал простую, светлую, утреннюю мелодию, запоминающуюся с первого раза, ни на что не похожую. — «Нас утро встречает прохладой». Знаешь, она стала свадебной песней в Швейцарии...

Мокроусов тронул клавиши, и комнату наполнила прозрачная и чистая мелодия недавно написанной песни «Осенние листья». Он тихонько хрипловатым голосом запел: «Осенние листья шумят и шумят в саду, знакомой тропой я рядом с тобой иду...»

...Однажды ранней весной 1951 года мне позвонили из драматического театра имени Станиславского: «Мы сейчас готовим к постановке пьесу драматурга Деятова «В Лебязьем». Не напишете ли вы стихи для грустной осенней песни, очень нужной в спектакле? Музыку пишет Мокроусов».

Самое имя Бориса Мокроусова звучало музыкой, песней, поэзией, его песни были у всех на слуху. Надо сказать, во все времена в искусстве существовали и сейчас существуют художники, которые воспринимаются современниками в исторической перспективе, то есть мы понимаем, что их имена — надолго, что они останутся жить в народе. Нетрудно догадаться, что, услышав это имя, я сразу согласился написать песню, и в тот же день мы условились встретиться с композитором у него дома. Жил он где-то на Фрунзенской набережной. В одной комнате вместе с женой, ее матерью и крохотным сыном.

Дверь мне открыл красивый, широкоплечий, плотный, крепкий, выше среднего роста, светлокудрый и голубоглазый человек в белой рубашке с лихо распахнутым воротом. Что-то в нем было волжское, бурлацкое, разинское и в то же время очень простое и бесхитростное. Ничего от знаменитости.

Мокроусов сел за рояль и начал импровизировать, напевая какие-то слова, не имеющие никакого отношения к осени. Он играл и посматривал на меня, а я не столько слушал музыку, сколько любовался им. Он это заметил:

— Мне показалось, что вы меня не слушаете... Наша осенняя песня должна быть

грустной, но не тоскливой. У человека хорошо на душе, ему есть что вспомнить. Мы, я — в музыке, вы — в стихах, изобразим встречу со своей старой любовью. Это не только об осени, это о человеческой судьбе, о жизни...

Борис Андреевич снова стал играть, и все, что он только что сказал, я почувствовал в мелодии, которую он несколько раз повторил. В душе звучала музыка, четко обозначился ритм, и я произнес: «Осенние листья шумят в саду...» Мокроусов обрадовался: «Очень хорошо, но мне нужен простор, надо удлинить строку чуть-чуть». «Осенние листья шумят в саду» — начали играть, растягивая по слогам слова, и вдруг его лицо озарилось — он пропел: «Осенние листья шумят и шумят в саду».

— Готова первая и главная строка песни! Остальные строчки за вами!

Так началась наша дружба, так появилась песня «Осенние листья», которая вскоре после премьеры пьесы «В Лебязьем» покинула стены театра и стала путешествовать по белу свету. Спектакль быстро сошел со сцены, но еще до того, как он прекратил существование, песня обрела новую жизнь. Сначала ее стали петь в своих концертах известные певцы Вера Красовицкая и Владимир Нечаев. Они первые записали «Осенние листья» на радио. Потом песню спела и записала на пластинку великая русская певица Надежда Андреевна Обухова, чем очень гордился Мокроусов, не говоря уж обо мне.

«Пусть годы проходят — живет на земле любовь», — поется в нашей песне. Годы проходили, а наша дружба не старела, продолжалась независимо от того, писали или не писали мы новые песни. Борис бывал в моем доме, чаще я приезжал к нему, мы подолгу беседовали, по-прежнему любили посумерничать. Теперь у него была прекрасная квартира в высотном доме на Котельнической набережной. Но я хочу сейчас вернуться в комнату на Фрунзенской, где мы впервые встретились...

...МЫ ДОЛГО сидели в сумерках. Борис все не зажигал света. Он вспоминал свою первую, как он сказал, консерваторию — Волгу, гудки пароходов, окраинную улочку Канавина — рабочего поселка в старом Нижнем Новгороде, где он мальчишкой слушал и сам пел фабричные песни, участвовал в художественной самодеятельности.

— Я умел и на гармошке, и на мандолине. Играл на школьных вечерах на пианино. Но развернулся вовсю в нашем канавинском клубе «Спартак». Там я «сопровождал» на вдрызг разбитом пианино немые фильмы по вечерам, а в воскресенье — с утра до ночи... Пол мои фантазии Мэри Пикфорд целовалась с Дугласом Фербенком, а Гарри Пиль скакал на коне под музыку «Мы — красивые кавалеристы»... Мой отец работал конторщиком на железной дороге, у меня было три брата. Я — старшой, надо было подрабатывать. К тому же я бесплатно смотрел кино. В тринадцатый лет, не бросая школы, я стал популярным тапером в Канавине. И, знаете, когда

я импровизировал, сопровождая фильмы, мне очень не хватало слов для музыки, именно тогда я почувствовал тягу к песне...

МАЛЬЧИК, сопровождавший в Канавине музыкальной немой фильмом, прошел трудный, но счастливый путь. Он окончил музыкальную нижегородскую школу, был принят в Московскую консерваторию, которую окончил в 1936 году по классу известного композитора профессора Николая Яковлевича Мясковского. Мокроусов начинал с крупных произведений. Написал музыкальную поэму, симфонию с хором, концерт для тромбона с оркестром, квинтет, сонату для фортепиано, задумал оперу «Чапаев».

Удивительным даром обладал Борис Мокроусов. Его задушевные, естественные мелодии покоряют своей сердечной чистотой. Их хочется слушать, их хочется петь. Самобытная, демократичная, народная по своей сути, глубоко национальная музыка Мокроусова не была подвержена модам и веяниям, не потрафляла плохому вкусу. Он достиг в своих лучших произведениях высокой простоты, доступной только большому таланту.

Мокроусов часто повторял: «Мне надо, чтоб музыка не поражала, а трогала». Так он относился не только к своим творениям. Борис вспоминал, как, впервые услышав в Большом театре «Князя Игоря», не смог сдержать слез.

Помню, однажды Борис сказал: «Смешно говорить, но приходится доказывать, что песня пишется для того, чтобы люди ее пели».

К СТОЛЕТИЮ Сормовского завода горьковчане пригласили группу поэтов и композиторов. В том числе своего земляка Бориса Мокроусова, с тем чтобы они откликнулись на знаменательное событие. Кто-то сочинил торжественную увертюру, кто-то кантату, кто-то боевой марш...

Борис ходил по родному Сормову, побывал в Канавине, там, где осталось его детство, подолгу стоял над Волгой, слушал, как в юности, пароходные гудки... И песня зазвучала в его душе. В гостинице, где Мокроусов остановился, он отыскал поэта Евгения Долматовского и сказал ему: «Пиши песню, она должна быть о Волге, о рабочем поселке, о любви...» И родилась песня:

На Волге широкой, на
Стрелке далекой
Гудками кого-то зовет
пароход.
Под городом Горьким, где
ясные зорьки,
В рабочем поселке подруга
живет.

Мелодии Бориса Мокроусова западают в душу, остаются с людьми, кочуют по всей земле. Помню, в дни Международного кинофестиваля мы смотрели по телевидению необычный «Голубой огонек». В нем принимали участие знаменитые киноактеры из многих стран. Кто-то запел по-французски, и все сразу узнали «Одинокую гармонь», написанную композитором на стихи Михаила Исаковского. Участники «Огонька» на разных языках подхватили песню. Когда же Николай Рыбников повел другую мокроусовскую мелодию, на

стихи Алексея Фатьянова, которую он пел в фильме «Весна на Заречной улице», то Лолита Торрес, кивая в такт головой, вторила ей. И прекрасное волнение овладело и теми, кто был на экране, и нами, кто слушал эту песню.

Борис как-то показал мне стихотворение, присланное ему бывшим летчиком-истребителем Иваном Шамовым. Летчик попал в катастрофу, не смог вернуться в строй, остался недвижим, но, одолевая недуг, стал писать стихи. Стихотворение начиналось строкой «Костры горят далекие». Мокроусов попросил меня поправить одну строчку: не совпадало ударение в слове с музыкальным ударением. Вскоре песня прозвучала по радио, была издана, стала популярной. Иван Шамов был безмерно благодарен Мокроусову.

Огромной популярностью и любовью пользовалась музыка, созданная Мокроусовым для театральных постановок. Вспомним хотя бы «Свадьбу с приданным», песни к комедии «Стряпуха» в Театре имени Евг. Вахтангова.

МЫ ЧАСТО встречались с Борисом, иногда работали над новой песней. Случалось, у нас дело не клеилось или рождалось не то, что мы хотели.

И все же у нас песни появлялись. Мы написали: солдатскую — «По дороге степной», волжскую — «Жигули», «Ярославну» — о Валентине Терешковой, целую поэму — «Поле русской славы», песню-сказку для ребят — «Снегурочка», которую Борис особенно любил...

Все это много раз издавалось и пелось, но независимо от нашей работы я с удовольствием встречался с Борисом, я его любил, и мне думается, что и ему были по душе наши встречи. И все-таки, даже после того, как мы стали друзьями, я никогда не забывал, что мне подарил свою дружбу прекрасный композитор, автор воистину всенародных песен, классик. Он мне всегда представлялся Сергеем Есениным в музыке...

Я был вдали от Москвы, когда с опозданием узнал, что Мокроусов ушел из жизни. Ему еще не исполнилось и шестидесяти лет. Я его не хоронил, поэтому он и остался для меня живым, молодым и красивым, таким, как в тот декабрьский вечер, когда он подарил мне в честь наших «Осенних листьев» свою фотографию с дружеской надписью: «Буду вечно дружить, буду вечно любить, буду помнить о встрече с тобой».

Фотография в рамке под стеклом висит у меня на стене. Надпись чуть-чуть выцветла и с каждым годом становится все бледнее и бледнее. Слова этой надписи я взял эпиграфом к стихотворению, которое написал осенью днем 1968 года, в год его смерти с надеждой, что они так лучше сохраняются.

Земля, где мы жили,
Кружили, дружили,
Склонили плакучие
Ветви раки.
И песня, которую
Здесь мы сложили,
В тех листьях осенних
Шумит и шумит.
Марк ЛИСЯНСКИЙ.